

DOI: 10.31696/S086919080033226-5

СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ПОДХОДОВ В ПОЛИТИКЕ ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБОВ ВО ВРЕМЯ ИХ ПЕРВОГО (1996–2001 гг.) И ПОВТОРНОГО ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ

© 2025

Н.Д. САЖЕНОВ ^а^а – МГИМО МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4126-6855; sazhenov.n.d@gmail.com

Резюме: После повторного прихода к власти в Афганистане в августе 2021 г. Движение талибов приступило, подобно первому своему опыту нахождения во главе этой страны во второй половине 1990-х гг., к выстраиванию государства на исламистской основе. Она была безоговорочным приоритетом в подходах и идеологии талибов. Их целью стало установление шариатской системы в её консервативных трактовках. Исламистские мотивы во время обоих периодов пребывания талибов у власти обуславливали их политику ограничения прав женщин в современном их понимании, клерикализацию государственных структур, недопущение «раскола общества» и введение строгих правил общественной морали. Подавляющее большинство их пуристанских подходов к политическим и общественным нормам воспроизвелось после повторного прихода к власти. Впрочем, с августа 2021 г. талибы пока демонстрируют относительную мягкость по сравнению с их первым правлением в вопросе реализации исламских наказаний. Они используются заметно реже, предпочтение отдается механизму «тазир» (назначение наказания по решению судьи). В целом легитимность обоих талибских режимов подкреплялась ссылками на религиозные постулаты. Но несмотря на явный идейный и практический крен талибов в сторону исламизма, большая часть их боевиков и функционеров была и остаётся этническими пуштунами, выходцами из южных районов Афганистана, где до сих пор сохранились традиции местных племён. Движение талибов на уровне риторики негативно относится к этническому делению, однако на практике оно проводило и проводит ориентированную на пуштунов политику, обрамлённую исламскими нормами. Аналогично талибские руководители предпочитают опираться на представителей собственной этнической группы или (в случае пуштунов) своего племени при управлении различными государственными учреждениями. Несмотря на попытки Движения талибов сгладить сложную этническую мозаику Афганистана за счёт приоритета исламских норм как объединяющей идеологии, первая по-прежнему остаётся заметным фактором общественной жизни страны.

Ключевые слова: Афганистан, Движение талибов, пуштунские племена, ислам, традиционные нормы, межэтническое взаимодействие

Для цитирования: Саженов Н.Д. Соотношение этнического и религиозного подходов в политике Движения талибов во время их первого (1996–2001 гг.) и повторного пребывания у власти. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 112–124. DOI: 10.31696/S086919080033226-5

THE BALANCE BETWEEN ETHNIC AND RELIGION-BASED APPROACHES IN THE TALIBAN'S POLICY DURING THEIR FIRST (1996–2001) AND CURRENT REIGNS

© 2025

Nikolay D. SAZHENOV ^a

^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4126-6855; sazhenov.n.d@gmail.com

Abstract: *After the second seizure of power in Afghanistan in August 2021, the Taliban started to build an Islamism-based state, similarly to their first reign in the second half of the 1990s. Islamism was an unconditional priority in the Taliban's ideology. The establishment of the Sharia-based system in its conservative interpretation became the Taliban's aim. During both periods of their reign, Islamist motivation defined the policy of restrictions against women's rights (in the contemporary sense), increasing clericalization of the state institutions, prevention of splits in society and imposition of strict moral rules. A vast majority of the Taliban's approaches to the socio-political issues have been renewed after their return to power. However, since August 2021 the Taliban has demonstrated relative leniency in regard to the Islamic punishments, compared to their first reign. Despite the Taliban's apparent ideological and practical propensity to Islamism, a vast majority of their militants were and are ethnic Pashtuns from the southern area of Afghanistan, where local tribal traditions still exist. At the level of rhetoric, the Taliban perceives ethnic divisions negatively. In practice their policy is Pashtun-oriented but framed by Islamic values and slogans. Similarly, the Taliban elites prefer to rely on representatives of their own ethnic or tribal (in case of Pashtuns) group in the administration of state institutions. Despite the Taliban's attempts to solve the issue of Afghanistan's ethnic complexity and diversity using Islam as a consolidating ideology, ethnic factor still remains evident in the country's public life.*

Keywords: Afghanistan, Taliban, Pashtun tribes, Islam, traditional norms, inter-ethnic interaction

For citation: Sazhenov N.D. The Balance between Ethnic and Religion-based Approaches in the Taliban's Policy during their First (1996–2001) and Current Reigns. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 112–124. DOI: 10.31696/S086919080033226-5

Возвращение Движения талибов (ДТ) к власти в Афганистане в августе 2021 г. неизбежно породило сравнение их нынешней политики с подходами времён первого эмирата (1996–2001). Одновременно актуализировались некоторые связанные с сущностью талибов вопросы, в том числе о сочетании присущего ДТ религиозного фундаментализма с опорой преимущественно на этнических пуштунов, особенно проживающих в сельской местности на юге страны. Сейчас, по прошествии более 3 лет с момента повторного прихода талибов к власти, контуры их политической линии стали яснее, чем в первые месяцы после захвата Кабула, что уже даёт возможности предложить ответ на этот вопрос, в том числе в сравнении с предшествующим правлением талибов.

С момента формирования ДТ в 1994 г. и его последующего продвижения вглубь страны было очевидно, что основу их идеологии составляет исламизм. С этнической точки зрения на этапе становления ДТ и укрепления его влияния в стране в целом (но в основном среди рядовых боевиков и среднего звена) преобладали пуштуны из конгломерата племён дуррани, которые проживали в провинции Кандагар, ставшей первой ареной для вступления

талибов в гражданскую войну в Афганистане. Тем не менее руководивший группировкой мулла Омар был выходцем из пуштунского племени хотак, относящегося к гильзайской группе племён.

Отечественный востоковед Р.Р. Сикоев в целом был прав, когда, давая характеристику ДТ, утверждал: «Под общим названием движение Талибан скрывался конгломерат самых различных сил как по социальному происхождению и национальной принадлежности, так и по религиозным убеждениям и политическим взглядам». [Сикоев, 2004, с. 40–41]. Однако это утверждение в полной мере становится корректным лишь по мере усиления талибов сначала на юго-западе Афганистана, затем в целом на его западе после взятия в 1995 г. крупнейшего в этой части страны города Герата. Расширение подконтрольной ДТ территории побуждало примыкать к нему не только изначально составивших его костяк учащиеся медресе, но также бывших кадровых военных, боевиков отрядов моджахедов и низшее духовенство. Несмотря на подавляющий численный перевес в рядах ДТ этнических пуштунов, представители этнических меньшинств (в основном исповедующие суннитский ислам афганские таджики и узбеки) также присоединялись к талибам, пусть и в крайне малых количествах.

Сами талибы, подчёркивая основывающийся на ханафитском мазхабе (исламской религиозно-правовой школе) исламский характер своей группировки, в пропагандистских материалах неоднократно преподносили собственное возникновение и экспансию как стремление «навести порядок» в Афганистане на исламской основе. Так, в проталибской брошюре на персидском языке «Талибы: от медресе до правительства» утверждается, будто бы они были сконцентрированы в основном на «джихаде» (без конкретики, что подразумевается под этим многозначным религиозным понятием) и «спасении родины» [*Taliban: az madrasa ta hokumat*, 2024, p. 11].

На этих основаниях американский специалист по Афганистану Б. Рубин делает вывод о том, что «у талибов не было никакой политической доктрины, кроме введения в действие законов шариата в том виде, в каком они их понимали» [Рубин, 2022, с. 122]. Однако такая простая линия находила отклик у местного населения и способствовала его политической мобилизации преимущественно на религиозной основе на фоне вспыхнувшего в 1992 г. между пришедшими к власти моджахедскими командирами нового витка гражданской войны и их неспособности создать эффективную политическую систему.

С наибольшим воодушевлением талибов встретили в населённых этническими пуштунами южных и юго-восточных провинциях Афганистана. В остальных районах страны ДТ зачастую было вынуждено преодолевать сопротивление лояльных конкретным полевым командирам отрядов.

В схожем ключе, ставя на первое место религиозную идентичность талибов, их политическую линию оценивает политик А.В. Масуд (афганский таджик, единокровный брат полевого командира Ахмад-шаха Масуда). По его мнению, они «не проявляют какого-либо уважения к племенным и этническим установкам, богатым людям (ханам) и местным лидерам (маликам и т. д.)». При этом ДТ считает врагом любого несогласного с ним, а борьбу с таковыми преподносит как «священную обязанность» [Masoud, 2012, p. 36–37].

Это довольно радикальная, хотя и распространённая точка зрения среди этнических меньшинств Афганистана. При её использовании стоит делать поправку на то, что её выражает не только противник талибов, участвовавший в 1990-е гг. в вооружённой конфронтации с ними, но также представитель второго по численности и доступу к властным и материальным ресурсам Афганистана этносу, который оспаривает однозначное первенство пуштунов. Очевидно, что А.В. Масуд в подобных оценках, с одной стороны, руководство-

вался недопущением сосредоточения власти в руках пуштунов, с другой – в русле антиталибского подхода воспринимал ДТ как чуждую афганскому обществу и его традициям силу.

В экспертном сообществе при характеристике ДТ времён их первого пребывания у власти, как правило, отмечают (хотя и без особой конкретики) сплав в талибской идеологии ультраконсервативных исламских подходов с этническими установками пуштунов. Р.Р. Сикоев характеризует талибский ислам как «синкретическую религию, вобравшую в себя элементы радикального фундаментализма и этнической специфики» [Сикоев, 2004, с. 68]. При этом сущность последней не уточняется. Более того, однозначный приоритет ислама для талибов вступает в противоречие с образом жизни пуштунских племён афгано-пакистанского приграничья, где до сих пор духовенство уступает по значимости племенным лидерам.

Американский антрополог Т. Барфилд идёт несколько дальше: для него идеология ДТ представляется «грубой смесью салафитского ислама и кодекса чести пуштунов», попыткой «придать местным традициям религиозное обличье» [Barfield, 2010, p. 261]. На практике данный тезис выглядит не вполне точным. Идейные истоки талибского ислама лежат в основном в учениях деобандийской школы ислама и испытавшего её влияние пакистанского богослова А. Маудуди. Также религиозные взгляды талибов испытали некоторое влияние распространённого в Афганистане суфизма, что было связано с инкорпорированием в ряды ДТ некоторых последователей суфийского ислама (в основном из орденов кадирия и накш-бандия). Этим объясняется в целом лояльное отношение талибов к суфийским практикам, хотя на уровне риторики они не одобряются.

Что касается опоры талибов на обычное право и традиции пуштунов (паштунвалей является неписанным сборником правил поведения и кодексом чести для пуштунов, однако в современном Афганистане в чистом виде он сохранился в основном в полосе проживания пуштунских племён вдоль границы с Пакистаном), то и здесь хватает контраргументов.

К примеру, афганский социолог Дж. Махдави акцентирует внимание на сельском происхождении основной массы талибов, которые получили базовое религиозное образование в медресе в афгано-пакистанском приграничье. По его мнению, у таких людей «не осталось памяти о старейшинах, соседях и родном племени. Они ничего не знали о племенном родстве, которое охватывало среду их жизни» [Mahdawi, 2014, p. 68]. Такая точка зрения не лишена оснований: действительно, их воспитание, связанное исключительно с духовной сферой, проходило в отрыве от социализации в племенной среде (если речь идёт о преобладавших в рядах ДТ сельских пуштунах). Учащиеся жили и росли при медресе. Поэтому в целом талибы практически не знали племенных обычаев и традиционных норм.

Есть свидетельства в пользу негативного отношения ДТ к местным традициям. По данным немецкого востоковеда Л. Жехака, талибы в первый приход к власти даже объявляли некоторые пуштунские традиции противоречащими исламу. Так, в 1998 г. они запретили обычай разрешения споров, согласно которому виновная сторона отдавала в пострадавшую семью одну или несколько женщин. После повторного прихода талибов к власти эта норма была подтверждена указом эмира моулави¹ Хайбатуллы в декабре 2021 г. С другой стороны, в случае возникновения конфликтных ситуаций талибы отдавали предпочтение их разбирательству в рамках пуштунского племенного института джирги [Rzehak, 2011, p. 17].

При этом во время обоих периодов их пребывания у власти ни разу не была созвана Лойя джирга (всеафганское собрание народных представителей), ассоциирующаяся в местном обществе с традиционными механизмами решения особо важных вопросов. Несмотря на то что джирга воспринимается как пуштунский инструмент достижения договорённостей, у других этносов Афганистана в сельской местности также существуют подобные механиз-

¹ Распространённый в Южной Азии высший богословский титул.

мы. Кроме того, представители непуштунских этносов постоянно участвовали в заседаниях Лойя джирги в XX и XXI вв.

Не помогли даже обращения авторитетных религиозных деятелей страны. Так, во время первого пребывания талибов у власти бывший моджахедский командир и лидер суфийского ордена кадирия С.А. Гилани посетил в Кандагаре главу ДТ муллу Омара и предложил ему провести Лойя джиргу с представительством всех слоёв населения Афганистана для обсуждения тематики развития страны и общества. Ответом был отказ [Khurram, 2019, p. 130–131].

После возвращения талибов к власти они также не созывали Лойя джиргу. В таком качестве в ряде афганских СМИ и местном сегменте интернета подавалось проводимое 30 июня – 2 июля 2022 г. масштабное мероприятие с участием представителей афганского духовенства, а также местных старейшин и авторитетных деятелей. При всей его внешней схожести с Лойя джиргой (делегаты избирались от каждого уезда Афганистана), кастяк участников составили клирики, которых было вдвое больше, чем старейшин. Тем не менее официально конференция преподносилась как «Совет улемов (богословов)» [*Neshast-e Ruhaniyan dar Kabul*, 2022].

Кроме того, вопреки распространённому мнению о том, что мулла Омар отказался в 1999 г. выдать скрывавшегося на афганской территории У. бен Ладена, сославшись лишь на пуштунские традиции гостеприимства, не позволяющие выдать гостя его врагам или произвольно его изгнать, первый также апеллировал и к исламу. В интервью издаваемому в Афганистане на арабском языке журналу «Аль-Имарат аль-Исламия» глава ДТ акцентировал внимание на том, что У. бен Ладен «мусульманин, эмигрант и гость афганского народа», его выдача противоречила бы исламу и традициям афганцев [Mozhda, 2003, p. 181–182]. Стало быть, обоснование этого шага талибов заключалось не только в традиционных нормах гостеприимства и поведения.

Однако было бы некорректно утверждать, что во время первого нахождения у власти талибы полностью игнорировали традиционные нормы или противодействовали им. В некоторых вопросах они склонялись к использованию скорее традиционных норм, нежели религиозных. Например, в исламском праве для доказательства прелюбодеяния необходимы показания четырёх свидетелей. В ориентированном прежде всего на защиту личной или родовой чести обычном праве пуштунов для назначения наказания достаточно было слухов. Во время первого эмирата талибов широко использовалась последняя норма, особенно в сельской местности. После возвращения ДТ к власти надёжная информация о методологии назначения наказания и установления виновности в подобных случаях (в том числе со сравнением подходов в городах и за их пределами) отсутствует, подобные вопросы в публичную плоскость обычно не выносятся.

Также ДТ в русле пуштунской традиции запретило наследование для женщин, тогда как в исламе оно имеет место, а некоторые его формы напрямую прописаны в 4-й суре Корана. По всей видимости, такое выборочное применение традиционных и религиозных норм объясняется тем, что большинство негородских пуштунов склонны смешивать традиционные правовые механизмы с исламским правом на основании своей собственной идентификации как мусульман [Khan, 2015, p. 5]. Поэтому говорить о приоритете для талибов по некоторым вопросам этнических подходов над религиозными стоит с большой осторожностью. Тем более во время второго пребывания талибов у власти наследование женщинами официально допустимо. Надзорные функции по данному вопросу возложены на Министерство поощрения добродетели и предотвращения порока, имеющее статус одного из основных органов имплементации исламских норм в общественной жизни Афганистана.

Корректнее будет сказать, что ДТ, отдавая в своей идеологии безоговорочный приоритет исламским нормам, подчас закрывало глаза на ситуативное применение местных традиционных правил. Особенно это касалось политики по отношению к пуштунским племенам афгано-пакистанского приграничья – в этих районах талибы имели достаточно прочную поддержку и не собирались противопоставлять себя местному населению. Тем не менее племенные элиты понимали в целом скептическое отношение ДТ к традиционным нормам. В частности, в восточных провинциях страны некоторые местные старейшины и вовсе полагали, что талибское руководство подрывает позиции традиционных пуштунских норм поведения [Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation, 2003, p. 17].

Ещё одним показателем ориентированности талибов на исламскую идеологию является наделение муллы Омара осенью 1996 г. (почти сразу после захвата Кабула) титулом «повелитель правоверных» («амир аль-муминин»), который после его смерти носили последующие лидеры ДТ, мулла Мансур и моулави Хайбатулла. Такой статус имели правители раннемусульманских государств (включая праведных халифов), а также султаны Османской империи и некоторые другие монархи исламских стран (сейчас им обладает, в частности, король Марокко).

Официальное объявление муллы Омара «повелителем правоверных» мотивировано приданием ему освящённой исламом легитимности. Талибский лидер проделал путь от сельского клирика до де-факто главы государства, пусть талибам в период первого прихода к власти так и не удалось полностью захватить территорию Афганистана, и нуждался в подкреплении своих прав на первенство. Несмотря на закономерный вопрос, не подразумевает ли принятие титула «повелитель правоверных» притязаний на лидерство во всей мировой мусульманской умме, такая трактовка отвергалась самими функционерами ДТ [Motmaen, 2019, p. 255].

В целом же отношение талибов к государству довольно точно передал британский журналист П. Марсен: «Государство видится коллективным олицетворением исключительно исламских ценностей, поддерживаемых всем обществом, а его существование в течение продолжительного времени зависит только от совместного желания населения поддерживать эти ценности» [Марсен, 2002, с. 86]. С этих позиций ДТ выстраивало как первый, так и второй эмират.

В экономической области во время первого пребывания талибов у власти значительных преобразований не произошло. Вследствие кровопролитной гражданской войны экономика Афганистана была практически полностью разрушена. ДТ не смогло предложить какой-либо внятной программы её восстановления. Тем не менее официально были установлены (хотя они взимались и ранее) традиционные исламские налоги закят (в пользу нуждающихся) и ушр (десятина, как правило, взимается с сельхозпродукции). Основанные на шариате финансово-экономические инструменты не получили всеобщего распространения. Наиболее широко действовали механизмы «мушарака» (совместное инвестирование с обговорёнными пропорциями прибыли для каждого участника, как правило, в зависимости от объёма вложенных средств) и «мудараба» (договор, согласно которому одна сторона полностью предоставляет капитал, другие участники обеспечивают надлежащее управление вложенными средствами, знания и труд). Кроме того, талибы, используя исламскую аргументацию, «предприняли шаги по возвращению частных владений (домов, земельных участков) их прежним владельцам», поскольку в исламе собственность даётся человеку по воле Аллаха [Сикоев, 2004, с. 128].

По мере военного продвижения талибов на север страны во второй половине 1990-х гг., за пределы пуштунского ареала расселения, конфликт в Афганистане всё отчётливее вновь приобретал межэтническое измерение. ДТ сталкивалось с таджикскими и хазарейскими

ополчениями, а в 1997 г. вступило на севере страны в бои с подконтрольными А. Дустуму этнически узбекскими частями.

Во время захвата талибами регионов с преобладанием этнически непустунского населения (им не покорился только северо-восток Афганистана: провинция Бадахшан и частично провинция Тахар) периодически имели место совершаемые их отрядами массовые убийства и жестокое обращение с мирными жителями. Как правило, такие случаи были мотивированы не столь ненавистью на этнической почве как таковой, а являлись средством устрашения или мести в ответ на оказываемое сопротивление.

Одним из наиболее резонансных таких эпизодов стало убийство талибами этнических хазарейцев после повторного захвата Мазари-Шарифа в августе 1998 г. (годом ранее талибы с большими потерями были выбиты из этого города узбекско-хазарейско-таджикским ополчением). Тогда, по основывающимся на опросах местных жителей данным ООН, погибли порядка 2000 хазарейцев [Afghanistan: The Massacre in Mazar-i Sharif, 1998]. Подобным трагедиям способствовала и религиозная идентичность хазарейцев, в массе своей исповедующих шиитский ислам, в отличие от талибов-суннитов.

Имели место и профилактические мероприятия вдали от основных районов боевых действий. По данным экспертов «International Crisis Group», в период первого пребывания талибов у власти в Кабуле фиксировались случаи произвольных задержаний этнических хазарейцев и таджиков-выходцев из Панджшера по подозрению в связях с оппозицией, особенно во время интенсификации боевых действий в провинциях с преобладанием хазарейского населения или на северо-востоке Афганистана [Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation, 2003, p. 14].

При этом талибам была присуща ориентация на пуштунов как преобладающую среди них этническую группу. Руководящие должности в Афганистане сконцентрировались именно в их руках. Во время первого эмирата лишь немногим представителям этнических меньшинств удалось добиться высоких, хотя и не первостепенных государственных постов (помимо этнического таджика кари² Дин Мохаммада Ханифа, который в 1996–2001 гг. возглавлял министерство планирования Афганистана, с 2021 г. назначен министром экономики, среди таковых можно вспомнить, например, занимавшего в 1996–2001 гг. пост замминистра просвещения узбека А. Ханафи). С установлением власти ДТ в непустунских регионах страны назначались управленцы из числа этнических пуштунов.

Существенно расширилась сфера применения языка пушту, не только в документообороте, но и в бытовой сфере. Однако вряд ли языковую политику ДТ стоит однозначно трактовать как проявление пуштунского национализма (хотя этот мотив, безусловно, присутствовал). Дело в том, что для оказавшихся на ответственных постах талибов, выходцев из сельских регионов страны и медресе с базовым образованием, было просто удобнее общаться на родном пушту, в то время как среди них знание также распространенного в Афганистане персидского языка было весьма низким.

Любопытно, что, по данным британского специалиста по Афганистану А. Джустоцци, несмотря на пуштуноцентричную политику ДТ, его поддержка фиксировалась даже в считавшейся оплотом антиталибских сил и населенной преимущественно таджиками провинции Бадахшан [Guistozzi, Ibrahimi, 2012, p. 23]. Эти утверждения не лишены оснований с учётом активности на северо-востоке страны лояльных талибам полевых командиров, в частности, уже упомянутого Д.М. Ханифа. Также проталибские настроения в этом регионе поддерживались через получивших образование в пакистанских медресе афганских юношей, сохранивших связи с родными сообществами.

² Чтец Корана (представитель низшей группы исламского духовенства).

В социальном отношении тем не менее ДТ не акцентировало этническую пестроту населения Афганистана, заявляя о единстве народа страны и видя в делении по национальному или племенному признаку фактор разделения общества. В этом плане талибы придерживались стандартного исламского подхода о недопустимости расколов в обществе («фитна»), будь то по принципу этнической идентичности или из-за несогласия с политической линией. Однако при назначении на ответственные посты предпочтение негласно отдавалось пуштунам.

Внутри талибского движения формировались надэтнические и надплеменные социальные связи, цементируемые исламом. Проталибский политолог В. Можда называет такие связи «товариществом» (انديوالی), которое объединяет людей, оказавшихся в одной группе или команде. Чертами этого типа отношений являются ориентация на лидера и групповой nepотизм: если один человек из группы получал новое назначение или повышение, он формировал команду из «своих» товарищей [Mozhda, 2003, p. 39]. Зачастую такие группы были гомогенны с точки зрения этничности их членов. В случае с пуштунами выбивавшийся в лидеры человек, как правило, формировал круг ближайших соратников либо из представителей своего или дружественных племён, в крайнем случае, из «родного» конгломерата племён.

После силового отстранения талибов от власти в конце 2001 г. в результате вторжения в Афганистан войск США и Великобритании, а также наступления формирований моджахедов на севере страны и в районе столицы, ДТ ушло в подполье. Восстановив силы и пополнив ресурсы за пределами Афганистана (в полосе проживания белуджей и этнически родственных пуштунских племён Пакистана), оно примерно с 2005–2006 гг. заявило о себе в качестве вооружённой оппозиции республиканскому правительству.

В этот период и вплоть до возвращения к власти в августе 2021 г. талибы по-прежнему придерживались в первую очередь исламистской повестки. Религиозные сюжеты активно использовались в пропаганде: республиканские власти рисовались «безбожными», коррумпированными и опирающимися исключительно на поддержку иностранных военных, тогда как талибы позиционировались как «праведная» сила. По мере расширения территориального контроля ДТ (в 2010-х гг. им удавалось отбивать у правительственной армии целые уезды) в захваченных районах устанавливались исламские институты. Вводились шариатские суды, которым местные жители подчас доверяли больше, чем государственным органам. В мемуарах назначенного в 2021 г. замминистра информации и культуры талибского деятеля М. Фарахи упоминается, что талибы собирали на подконтрольных территориях исламские налоги закят и ушр [Farahi, 2022, p. 65].

В то же время некоторые этнические мотивы в талибских подходах времён их вооружённого сопротивления прослеживались, хотя и имели, очевидно, второстепенное положение по сравнению с исламскими. Например, в талибской пропаганде 2010-х гг. был распространён сюжет, где американский солдат обыскивает афганских женщин. Эта картинка сопровождалась призывом отстаивать честь семьи и племени, противодействуя иностранным войскам [Johnson, 2019, p. 57]. В данном контексте очевидна апелляция в первую очередь к составляющим основную проталибскую прослойку негородским пуштунам с их гипертрофированным чувством семейной чести. Впрочем, вопрос личного достоинства находил отклик и среди остальных этносов Афганистана.

Преимущественно на общности этнического или племенного происхождения формировались отряды ДТ в различных частях страны, первоначально в зонах преобладания пуштунов, затем, с начала 2010-х гг. талибские группы стали появляться в северных провинциях страны. Многие боевики не воевали на постоянной основе: по оценкам на 2010 г., 80–90% действовали внутри или поблизости от своих сообществ [Ruttig, 2010, p. 13]. Они

сочетали мирный образ жизни с вооружённой активностью. Проживание членов отряда в рамках относительно небольшой территории позволяло им при необходимости быстро собраться и подготовиться к боевым действиям.

После возвращения талибов к власти в августе 2021 г. политика талибов времён первого эмирата во многом повторилась. Ислам по-прежнему остался доминирующей темой для руководства ДТ. Легитимность нового правительства строилась и строится на религиозных основах, что заметно по материалам СМИ и визуальной пропаганды (рис. 1, 2)³. Происходит постепенное сращивание государственных институтов с духовенством. Неоднократно подчеркивалось, что задача талибских властей состоит в том, чтобы с помощью исламских догм «исправить» афганское общество после двадцатилетнего присутствия войск НАТО и выстраивания политической системы по западным лекалам. В одном из обращений лидера ДТ моулави Хайбатуллы эмират даже преподносится как «божественный дар для афганской нации». [*Aliqadr Amir*, 2022].

В другом выступлении эмира летом 2023 г. прозвучал следующий тезис: «Не обращайтесь ни на кого, когда претворяете в жизнь шариат. Победа была дана нам Всевышним. Мы должны учитывать только милость Аллаха и должны быть твердо уверены, что Он поведет нас к победе» [*Supreme Leader Receives*, 2023]. Фактически (и не без оснований) лидер ДТ давал понять, что афганское руководство, получив власть, не намерено оглядываться на чьё-либо мнение в вопросах построения государства на религиозной основе.

Подобно первому пребыванию талибов у власти, был принят закон об общественной нравственности, хотя и лишь спустя 3 года после повторного установления их правления. Основные его положения сосредоточены на обеспечении исламской общественной морали и предотвращении «разврата». В частности, этим объясняется введение ограничений на прослушивание музыки и игру на музыкальных инструментах, а также формальный запрет на размещение в СМИ материалов с изображениями людей или животных.

Установленные ранее, практически сразу после возвращения талибов к власти, ограничения прав женщин (запрет на обучение старше 6 класса школы, сокращение возможностей для работы на госслужбе и в иностранных компаниях, включая ООН) в целом укладываются в характерный для ультраконсервативной исламской мысли взгляд на женщину как «хранительницу домашнего очага», сосредоточенную на семье и детях. Талибские идеологи полагают, что участие её в других формах общественной жизни допустимо, если только не нарушает нормы шариата и не вредит её основной социальной роли. Впрочем, во время первого периода правления талибов в некоторых районах страны обучение девочек и женщин было полностью запрещено, поэтому сейчас фиксируется небольшое смягчение подхода афганских властей к данной проблеме.

Однако внедрение установленных законодательно жёстких норм общественно-политической жизни в Афганистане происходит неравномерно. В несколько более вестернизированных крупных городах страны отношение населения к ним по афганским меркам относительно вольное, по крайней мере, на данном этапе. Фактически строгость законов пока компенсируется пробелами в их исполнении. Даже глава Министерства поощрения добродетели и предотвращения порока Х. Ханафи признал, что соответствующий закон об общественной морали будет вводиться в действие постепенно [Nasir, 2024].

Как и в период первого пребывания во главе Афганистана, отдельное внимание афганские власти (опять же в русле исламской традиции) уделяют предотвращению того, что они считают расколом общества. К числу его возможных факторов они относят и этнические различия. Поэтому в подконтрольных талибам СМИ проводится мысль о недопустимости таковых и стремлении Кабула устранить их и «обеспечить достойную жизнь всем этносам

³ Рис. 1– 2 см. на цветной вклейке.

страны». Примечательна даже иллюстрация к одной из подобных статей в газете «Анис»: соединённые руки, подписанные соответственно «пуштун», «таджик», «хазареец», «узбек», «туркмен» и «другие этносы» [Matin, 2022].

Лидер ДТ моулави Хайбатулла в выступлениях неоднократно предостерегал против разделения по этническому мотиву. В его заявлении в декабре 2022 г. (озвучено через губернатора Панджшера на фоне активности в то время в этом регионе антиталибского вооружённого сопротивления) говорится о порочности национализма (в тексте использовалось слово «قومیت», что также может подразумевать акцентирование этнической принадлежности или каких-либо этнических особенностей) и необходимости его «искоренить». Отдельно подчеркивалось, что «все населяющие Афганистан народы являются братьями, даже несмотря на то, что за минувшие 20 лет различные силы пытались расколоть афганскую нацию» [Aliqadr Amir, 2022]. В обращении по случаю окончания священного месяца Рамадан весной 2023 г. эмир вновь призвал «строго воздерживаться от приоритетности этноса, региона, языка, а также от nepoтизма» [Payam-e Aliqadr, 2023].

Аналогичная риторика регулярно встречается в афганских СМИ (в массе своей подконтрольных властям), как в газетах, так и в телерадиовещании. В феврале 2024 г. в главной правительственной газете «Шариат» вышла очередная статья, где без обиняков говорится, что с точки зрения ислама гордиться принадлежностью к тому или иному этносу, языком, происхождением или другими качествами считается невежеством («джахилият») [Qamari, 2024].

В подобном же русле недопущения расколов в обществе афганский официоз не поощряет обсуждение не только сложных моментов истории, но и противоречивых тем недавнего прошлого или настоящего, в том числе связанных с межэтническими отношениями в Афганистане. Так, в той же газете «Шариат» без какой-либо аргументации отвергаются слова хазарейского политолога Г.Х. Хазара о дискриминации этого этнического меньшинства со стороны талибских чиновников и силовиков. Вместо этого вновь предлагаются лозунги об отсутствии преследований по этническому признаку, а также о том, что афганские этносы будто бы «живут счастливо». В заключение автор статьи называет разговоры о массовых убийствах хазарейцев «заговором» и призывает власти принимать решительные меры в отношении тех, кто поднимает этот вопрос [Argan, 2024].

Во время обоих эмиратов правовая система Афганистана основывалась исключительно на доминирующем среди суннитского населения страны ханафитском мазхабе. Власти Афганистана не допускают использования распространённого среди афганских шиитов джафаритского мазхаба. С другой стороны, периодически проходят встречи шиитского духовенства Афганистана (неизменно декларирующего полную лояльность талибам) с высшим руководством страны, в ходе которых обсуждаются актуальные проблемы шиитского сообщества и обсуждаются механизмы его поддержки со стороны Кабула [Mowlawi Abd-ul-Kabir, 2024]. То есть афганские власти проявляют внимание к проблемам шиитов, однако реальную его эффективность оценить затруднительно.

Вместе с тем заметно, что во время второго пребывания у власти талибы пока демонстрируют более мягкие подходы к публичным наказаниям по сравнению с первым эмиратом. Не практикуются массовые казни на стадионах. Исламские формы наказания хадд (установленные в Коране и Сунне санкции) и кисас (возмездие, равное по тяжести совершённому преступлению, как правило, за убийство, притом преступника передают в руки родственников потерпевшего, которые могут его казнить или простить) используются заметно реже, чем во второй половине 1990-х гг. В рамках последнего проведены около 10 публичных казней, ещё порядка 30 смертных приговоров якобы находятся на утверждении у эмира [Ejra-e Panj Hokm-e Qesas, 2024].

Наказания по механизму хадда (например, отрубание руки) также крайне редки (всего один официально подтвержденный случай с августа 2021 г.), чаще в таких случаях выносится приговор с назначением тюремного срока. Заметно чаще применяется наказание «тазир» (установленное по приговору суда или решением мухтасиба, ответственного за соблюдение исламских устоев чиновника). В Афганистане после 2021 г. оно в основном встречается в виде побивания плетьюми.

Этнические и племенные мотивы по-прежнему играли для талибов второстепенную роль, хотя также имели место. Среди различных этносов страны сохранилась (подобно первому эмирату) опора ДТ на составляющее его костяк пуштунское большинство. Руководящие должности в Афганистане после августа 2021 г. вновь заняли этнические пуштуны. Исключений крайне мало: слабейший по полномочиям среди афганских вице-премьеров узбек А. Ханафи, и. о. министра экономики таджик Д.М. Ханиф, и. о. министра промышленности и торговли таджик Н. Азизи. Узбек также возглавляет министерство сельского хозяйства Афганистана: до конца 2022 г. этот пост занимал А. Рашид, затем А. Омари. Начальником Генерального штаба Афганистана с августа 2021 г. назначен таджик кари Фасихуддин. Хазарейцы в правительстве представлены лишь тремя заместителями министра (экономики, здравоохранения и градостроительства).

При этом для большинства афганских руководителей характерна опора в выстраивании системы управления их ведомств на представителях собственного этноса, а для пуштунов даже племени. Впрочем, это не означает, что руководящие аппараты формируются исключительно на основе одной этничности или племени. Например, заместитель министра внутренних дел (выходца из юго-восточного племени дзадран конгломерата племён карлани Сираджуддина Хаккани) Садр Ибрагим является уроженцем юго-западной провинции Кандагар и принадлежит к конгломерату племён дуррани. Подобные случаи встречаются и в других министерствах страны⁴.

После повторного прихода ДТ к власти руководство Афганистана объявило о необходимости внедрения исламских принципов в экономическую жизнь страны. Однако на практике, как и во время первого эмирата, этот процесс протекает довольно медленно. Аналогично концу 1990-х гг. наибольшее распространение получили механизмы «мушарака» и «мудараб» (последний используется в том числе как один из механизмов перечисления зарплат сотрудникам государственного и частного секторов Афганистана и пенсионного обеспечения), а также «кард аль-хассан» (ссуды заёмщикам на беспроцентной основе, дополнительное вознаграждение кредитору остается на усмотрение реципиента. После августа 2021 г. данный механизм реализуется в основном при выдаче микрокредитов)⁵.

Подводя итоги, очевидно, что для талибов во времена первого и второго их приходов к власти исламские мотивы однозначно имели приоритет над другими, в том числе этническими.

К вопросам межэтнического взаимодействия и управления этническим разнообразием в Афганистане талибы подошли с позиции их фактического нивелирования за счёт исламских догматов, негативно оценивающих любые расколы в сообществе мусульман, в том числе по этническому признаку. В определённой степени ислам для талибов имел и имеет инструментальное значение, как способ дисциплинировать общество (разумеется, в их представлениях), средство установления законности, политической мобилизации и одновременно объединяющей идеологии, перекрывающей потенциальные межэтнические противоречия в Афганистане.

⁴ Из беседы автора со служащим Министерства экономики Афганистана. Кабул, 12 сентября 2024 г.

⁵ Из беседы автора с руководством Исламского банка Афганистана (Islamic Bank of Afghanistan). Кабул, 2 декабря 2024 г.

Несмотря на явный приоритет исламских подходов для ДТ, оно не стало радикально ломать жизненные устои локальных сообществ, в частности, пуштунских племён. Некоторые местные обычаи были ограничены в применении, но в целом талибы закрывали глаза на их существование. Здесь в целом корректную оценку сложившемуся положению дел дал немецкий антрополог Б. Глятцер: «Где племенная система работала хорошо, талибы, новые радикально исламистские правители Афганистана, не решились затронуть ее. Вместо этого они продолжили практику предшествующих афганских правительств: позволить периферийным областям (т. е. крупнейшей части страны) управляться слабо связанными с руководством страны местными властями и институтами» [Glatzer, 2002, p. 274].

Попытки замаскировать и сцементировать межэтническое взаимодействие в Афганистане исламскими установками не в состоянии полностью исключить проявления этнического фактора в талибской политике, пусть он и играет второстепенную роль. С уже упомянутым скептическим, но сдержанным отношением к племенным традициям талибы одновременно сочетают пуштуноцентризм, проявляющийся в заметном преобладании этнических пуштунов в государственных структурах (с августа 2021 г. отмечается в том числе назначение бывших боевиков на чиновничьи должности) и расширению использования языка пушту, в частности, в СМИ и документообороте. Талибские элиты склонны формировать круг ближайших сторонников в основном из представителей своего племени, конгломерата племён или этноса.

Пожалуй, единственным заметным различием в применении исламских или этнических подходов между двумя периодами правления талибов является меньшее задействование исламских видов наказания хадд и кисас с момента повторного прихода ДТ к власти в августе 2021 г. В остальном же политика и риторика талибских властей во многом схожа – с неизменным приоритетом исламских норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Марсен П. *Талибан. Война и религия в Афганистане*. Пер. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: Городец-издат, 2002 [Marsden P. *The Taliban: War and Religion in Afghanistan*. E. Egorova, E. Klinova (tr.) Moscow: Gorodets-izdat, 2002 (Russian translation)].

Рубин Б. *Афганистан. Что о нём нужно знать каждому*. Пер. М. Тарасова. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика, 2022 [Rubin B. *Afghanistan: What Everyone Needs to Know*. M. Tarasov (tr.) Saint-Petersburg: Academic Studies Press/Bibliorossika, 2022 (Russian translation)].

Сикоев Р.Р. *Талибы: религиозно-политический портрет*. 2-е изд. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004 [Sikoyev R.R. *The Taliban: Religious and Political Portrait*. 2nd ed. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004 (in Russian)].

Afghanistan: The Massacre in Mazar-i Sharif. November 1998. Vol. 10. No. 7 (C). www.hrw.org/legacy/reports98/afghan/Afrepor0.htm (accessed: 12.11.2024).

Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation. *International Crisis Group Asia Report*. August 5, 2003. No. 62.

Aliqadr Amir al-Mumenin Hafza Allah: Qawmiyyat wa Asadeyyat Palisi-e Ferauni Ast, Bayad In Seyasat-e Ferauni ra Rishekan Sazim [His Excellency Commander of the Faithful (May Allah Protect Him): *Ethnicity and Nationalism are the Policy of Pharaohs, We Should Eradicate this Pharaonic Policy*. Shariat, 22 December 2022 (in Persian)].

Barfield Th.J. *Afghanistan: a Cultural and Political History*. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Ejra-e Panj Hokm-e Qesas az Su-e Emarat-e Islami; 30 Hokm-e Digar dar Entezar-e Towshih [Islamic Emirate Has Carried out 5 Qesas Sentences; 30 Other Sentences are Waiting for Approval (in Persian)]. tolonews.com/fa/afghanistan/provincial-191457 (accessed: 03.11.2024).

- Farahi M. *Xaterat-e Jihadi. Bist Sal dar Eshghal. [Jihadi Memories. 20 Years in Occupation. Farah – Farahrud. Nehad-e Xayriye-e Zahed. 2022 (in Persian)]*.
- Glatzer B. The Pashtun Tribal System, Concept of Tribal Society. *Contemporary Society: Tribal Studies*. Vol. 5. G. Pfeffer, D.K. Behera (eds.) New Delhi: Concept Publishers. 2002. Pp. 265–282.
- Guistozi A., Ibrahimi N. *Thirty Years of Conflict: Drivers of Anti-Government Mobilisation in Afghanistan, 1978–2011*. Afghanistan Research and Evaluation Unit, January 2012.
- Johnson Th. *Rewayatha-e Taliban: Naqsh-e Ettelarasani wa Farawardaha-e Tablighati dar Jang-e Afghanistan [Taliban Narratives: The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict. Kabul, 2019 (in Persian)]*.
- Khan H.M. *Islamic Law, Customary Law, and Afghan Informal Justice*. United States Institute of Peace, Special Report 363. March 2015.
- Khurram A. *Chehel Sal dar Tufan. [Forty Years in a Hurricane. Kabul: Aksos, 2019]*.
- Mahdawi J. *Jameashenasi-e Taliban (1992–2001) [Sociology of the Taliban (1992–2001). Kabul: Entesharat-e «Gharjestan», 2014 (in Persian)]*.
- Masoud A.W. *In Search of Solution. National Agenda. Political Reform and Building Sustainable Peace in Afghanistan*. Kabul, Autumn 2012.
- Matin. *Da Qawmunu ter Mandz da Bawar pa Ramandz ta Kedu Stunze Hawareday Shi! [There is Confidence Among Ethnic Groups. The Difficulties are Settled. Anis, № 24770, 24 December 2022 (in Pashto)]*
- Motmaen A. *Mullah Mohammad Omar, Taliban wa Afghanistan [Mullah Mohammad Omar, the Taliban and Afghanistan. Kabul: Azem Publishing House, 2019. (in Persian)]*.
- Mowlawi Abd-ul-Kabir bo Shomori az Motanafezan wa Ulama-e Ahl-e Tashayyo Didar Kard [Mowlawi Abd-ul-Kabir had a meeting with Shia Influentials and Clergy. *Bakhtar News Agency*. 08.10.2024 (in Persian)]. www.bakhtarnews.af/dr/ع-از-منتفذان-و-ع /مولوی-عبدالکبیر-جاشماری-از-منتفذان-و-ع (accessed: 18.11.2024).
- Mozhda W. *Afghanistan wa Panj Sal-e Solta-e Taliban [Afghanistan and Five Years of Taliban's Rule. Tehran: Nashr-e Ney, 2003 (in Persian)]*.
- Nasir H. *Hanafi Stresses Gradual Implementation of Vice-Virtue Ministry's Law*. <https://tolonews.com/afghanistan-191388> (accessed: 03.11.2024).
- Neshast-e Ruhaniyan dar Kabul; Soxangu-e Taliban: Har Pishnehadi ke «Ulama» Bedehand, Ejra Mikonim [Meeting of the Clergy in Kabul; Spokesperson of the Taliban: We Will Implement Any Proposal Put Forward by the Clergy. *BBC*. (in Persian)]. <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-61979843> (accessed: 23.12.2024)
- Payam-e Aliqadr Amir al-Mumenin Hafza Allah ba Monasebat-e Id-e Said-e Fetri; Emarat-e Islami-e Afghanistan Xud ra dar Rasta-e Refah-e Melli-e Xish wa Dadan-e Hoquq-e Sharii-e Mardom Mokallaf Midanad [Speech of His Excellency Commander of the Faithful (May Allah Protect Him) on the occasion of Eid al-Fitr; Islamic Emirate of Afghanistan Considers Itself Responsible for National Prosperity and Sharia Law Enforcement. Anis, № 24820, 19 April 2023 (in Persian)]
- Qamari L. *Islam ke Qawmiyyat neshta [There is no Ethnicity in Islam. Shariat, 20 February 2024 (in Pashto)]*.
- Rashed A. *Da Qawmi aw Mazhabi Legkio par Wrande Zedd aw Naqis Xabere! [Hostile and Unfair Claims against Ethnic and Religious Minorities! Shariat, 28 January 2024 (in Pashto)]*.
- Ruttig T. *How Tribal are the Taleban?* Afghanistan Analysts Network, AAN Thematic Report 04/2010, June 2010.
- Rzehak L. *Doing Pashto*. Afghanistan Analysts Network, AAN Thematic Report 01/2011, March 2011.
- Supreme Leader Receives all MoI Officials. *The Kabul Times*. 12.06.2023. No. 59.
- Taliban: az madrasa ta hokumat [The Taliban: from Madrasa to the Reign (in Persian)]*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САЖЕНОВ Николай Дмитриевич – соискатель
кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД
РФ, Москва, Россия.

Nikolay D. SAZHENOV, Postgraduate student,
Department of Asian and African Studies,
MGIMO University, Moscow, Russia.

Рис. 1. Надпись на стене: «В исламе нет места этнической, расовой или языковой нетерпимости».

Кабул, 12 ноября 2024 г. Фотография автора

Fig. 1. Inscription on the wall: “There is no place for ethnic, racial and language intolerance in Islam”.

Kabul, November 12, 2024. Photo by the author

Рис. 2. Надпись на стене: «9 сонбола (31 августа) – победа истины над ложным».¹

Кабул, 7 сентября 2023 г. Фотография автора

Fig. 2. Inscription on the wall: “Sonbola 9 (August 31) is a day when the truth overcame the lies”.

Kabul, September 7, 2023. Photo by the author

¹ 31 августа – день полного вывода военного контингента НАТО из Афганистана.